

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш
Таганрогская кончина
Серия «Со старинной полки»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2465205

Аннотация

«Тайна Александра I, его кончины в Таганроге или отречения от престола при жизни, остается неразгаданной и до наших дней. Одно ли праздное любопытство, к тому же не историков, а профанов, во всех этих спорах об Александре I, не замирающих и теперь, или есть нечто большее? Вероятно, есть.

Потомки как будто желают понять подлинные исторические линии России, проникнуть к самой истине и часто отбрасывают старые легенды и вымыслы, официальный и неофициальный сор истории. Иными и суровыми глазами на многое в нашем прошлом смотрит теперь потомок...»

Иван Созонтович Лукаш

Таганрогская кончина

Тайна Александра I, его кончины в Таганроге или отречения от престола при жизни, остается неразгаданной и до наших дней. Одно ли праздное любопытство, к тому же не историков, а профанов, во всех этих спорах об Александре I, не замирающих и теперь, или есть нечто большее? Вероятно, есть.

Потомки как будто желают понять подлинные исторические линии России, проникнуть к самой истине и часто отбрасывают старые легенды и вымыслы, официальный и неофициальный сор истории. Иными и суровыми глазами на многое в нашем прошлом смотрит теперь потомок.

Иными глазами посмотрит он на многое и в редчайшей книжке барона Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», изданной в Петербурге в 1857 году и, по дурной русской привычке, крепко забытой.

Первое издание «Восшествия» было опубликовано в годовщину декабрьского восстания, 14 декабря 1848 года, всего в 25 экземплярах, по указанию предисловия, «единственно для членов императорского дома и немногих приближенных, как семейная тайна».

Как семейная тайна! Уже эта оговорка обращает на себя внимание читателя. К тому же книга Корфа, как указано

в предисловии, в первом издании 1848 года «исправлялась окончательно по собственным указаниям императора Николая Павловича», и во втором издании 1854 года Николай I «опять в разных местах ее исправлял».

Иными словами, материал Корфа, прежде чем его передали даже в 25 экземплярах для приближенных, был тщательно просмотрен государем. Вся эта книга написана как бы самим Николаем I, и, несомненно, написана так, чтобы дать ту версию о восшествии на престол, которая была ему удобна и угодна.

Какова же эта версия?

С первых же страниц, даже с первой строки, начинается целая цепь доказательств того, что император Александр «имел тайное намерение отречься от престола и перейти к жизни частной». Год за годом подобрано в этой книге все, что может подтвердить такое решение Александра I.

Еще до мартовской ночи 18-летний великий князь Александр 10 мая 1796 года написал об отречении В. П. Кочубею. Этим письмом и начинается «Восшествие»:

«Я сознаю, что не рожден для того высокого сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим образом. Я обсудил этот предмет со всех сторон. Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого трудного поприща

(я не могу еще положительно назвать срока сего отречения) поселиться с женой на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком».

В первые годы царствования Александр I писал также своему воспитателю Лагарпу: «Когда Провидение благословит меня возвести Россию на степень желаемого мною благоденствия, первым моим делом будет сложить с себя бремя правления».

«Восшествие» страница за страницей доказывает, что Александр I никогда не изменял раз данной себе клятве об отречении и только ждал срока для ее выполнения. Когда горела Москва, и в апогее славы «желание оставить престол жило в нем, даже поверялось от него лицам близким».

«Среди блеска всего величия, какое только доступно человеку, – утверждает «Восшествие», – Александр – как бы уже исполнялось его призвание – не чувствовал себя счастливым на престоле. В нем таилась прежняя мысль».

Как видите, «Восшествие» даже называет эту навязчивую идею Александра, род душевного недуга, его «призванием».

В 1818 году он говорит о своем намерении отречься от престола «прусскому епископу Эйлерту». В 1819 году, летом, когда гвардейские полки стояли лагерем под Красным Селом, он открывает своему брату Николаю, что «считает за долг и непреложно отказаться от престола, лишь только заметит по упадку своих сил, что настало к тому время». Он прямо предупреждает Николая:

– Итак, вы должны наперед знать, что призываетесь в будущем к императорскому сану.

В заключение этой беседы Александр сказал:

– Минута переворота еще не наступила. До нее, быть может, пройдет еще лет десять...

Это выражение «лет десять» наводит читателя на мысль, что Александр предполагал сойти с престола именно между 1825–1828 годами, то есть около даты известия о кончине его в Таганроге.

Уже в 1821 году цесаревич Константин принимает Николая Павловича в Варшаве с царскими почестями. «Великий князь, – рассказывает «Восшествие», – всеми мерами старался от них уклониться и просил освободить его от такого почета, который принимал иногда даже вид насмешливости; старший брат отговаривался шуткой: «Это все оттого, что ты царь мирликийский».

«Восшествие», таким образом, дает понять, что преемник императора, захваченного навязчивой идеей, уже найден, известен, ему оказываются уже царские почести, хотя официально, особым письмом, исправленным кое-где самим Александром, цесаревич Константин отрекся от прав на престол годом позже, 14 января 1822 года.

И тем не менее, после всех своих же доказательств Николай Павлович заявляет, что ни он, ни его супруга «ничего не знали», кроме некоторых намеков императрицы – матери Марии Феодоровны, упоминавшей «вскользь о каком-то ак-

те отречения». После всего сказанного как-то трудно поверить, что Николай Павлович «ничего не знал», хотя это выражение и подчеркнуто автором «Восшествия».

Цепь доказательств о желании Александра I отречься при жизни (такое выражение не раз повторяется «Восшествием») заканчивается доказательствами, связанными с последними, роковыми датами:

«Весной 1825 года приехал в Петербург принц Оранский. Государь поверил и ему свое желание сойти с престола. Принц ужаснулся. В порыве пламенного сердца он старался доказать на словах, потом даже письменно, как пагубно было бы для России осуществление такого намерения. Александр выслушал все возражения и остался непреклонен...»

После этих слов в «Восшествии» многозначительное многоточие. С таким непреклонным намерением, думая только об отречении, а не о судьбе империи, 1 сентября 1825 года Александр прямо из Невской лавры и предпринял свое последнее путешествие в Таганрог.

Да последнее ли, невольно рождается у читателя вопрос? Да не отрекся ли он действительно при жизни, и не наступило ли в 1825 году это «лет через десять», срок его клятвы, данной еще в 1796 году?

Может быть, Александр сошел с престола живым, и Николай принял империю от живого брата и от живого императора? Читателя не покидает впечатление, что истина не

высказана, а только полувывысказана, что по каким-то немногим причинам истина об отречении живого императора могла быть заменена версией об его, так сказать, законной кончине и о принятии престола по его законному завещательному акту.

Странен этот секретный завещательный манифест Александра I, передающий права на престол брату Николаю. Манифест, рассказывает «Восшествие», «был составлен в непроницаемой тайне» в 1823 году. «Единственными ее хранителями Александр избрал графа Аракчеева, князя Голицына и московского митрополита Филарета». Почему-то никто из членов императорской семьи не был даже извещен об акте, указывающем быть наследником «второму брату нашему, великому князю Николаю Павловичу».

Но на конверте манифеста, если он действительно существовал в 1823 году, Александром было надписано: «Хранить в Успенском соборе с государственными актами до восребования моего, а в случае моей кончины открыть московскому епархиальному архиерею и московскому генерал-губернатору в Успенском соборе прежде всякого другого действия».

Мы не можем сомневаться, что секретный манифест, составленный митрополитом Филаретом, был действительно подписан Александром в 1823 году, но на многие сомнения наводят слова автора «Восшествия», что «истинный ключ к

событиям исчез вместе с деятелями».

В Варшаве во второй половине ноября 1825 года, рассказывает «Восшествие», «приближенные начали замечать, что цесаревич Константин не в обыкновенном расположении духа и чрезвычайно мрачен».

В эти дни из Таганрога наезжало к цесаревичу несколько фельдъегерей. Цесаревич оживленно сносился с Таганрогом и первым в империи узнавал оттуда все новости. Первым он узнал и о таганрогской кончине: 25 ноября, раньше, чем в Петербурге и Москве, цесаревичем было получено от Волконского и Дибича известие о кончине императора Александра.

В тот же день он передал известие князю Михаилу Павловичу, гостившему в Варшаве, и подтвердил ему свое «непреклонное намерение отказаться от престола».

В Таганроге, как утверждает «Восшествие», «*ни один* не знал, что права старшего брата в наследовании престола перенесены на второго» («*ни один*» – снова подчеркнуто автором «Восшествия»).

Между тем известно, что Александр 14 ноября принимал в Таганроге священника Алексея Федотова-Чеховского и причастился. Стало быть, и на исповеди он не высказал той своей воли, которая уже хранилась в ризнице Успенского собора, не сказал он ни разу о ней и императрице Елизавете Алексеевне, знавшей о намерении отречься еще с 1796 года, и Елизавета Алексеевна «в таком же неведении находилась».

Таганрог первым признал императором Константина. За Таганрогом – Петербург, куда известие дошло 27 ноября. Здесь уже не мог «ни один» не знать о воле Александра, здесь было и письмо 1822 года об отречении Константина, и Николай, помнящий о разговоре 1818 года, и «хранитель непроницаемой тайны» Голицын, сообщивший, по утверждению «Восшествия», Николаю Павловичу о секретном завещательном манифесте. Но Николай со всем этим почему-то не посчитался и принес присягу Константину.

За Петербургом такую присягу принесла и Москва, куда известие дошло 30 ноября. Здесь к присяге Константину приводит не кто иной, как сам митрополит Филарет, из-под пера которого вышел секретный манифест с надписью на конверте: «...а в случае моей кончины открыть... прежде всякого другого действия».

Манифест «прежде всякого другого действия» открыт не был, и все трое хранителей тайны или молчали, как Аракчев, или действовали прямо против манифеста, им известного, даже ими написанного, как явные ослушники.

Точно не было еще этого манифеста при таганрогском известии о кончине, или хранители его тайны не были уверены в самой кончине государя и не открывали манифеста потому, что знали или думали, что государь в живых, и тогда остается в силе первая часть надписи живого государя на конверте – не оглашать манифест, «хранить до востребования моего».

В Варшаве цесаревич Константин приходит в негодова-

ние при одном наименовании его «вашим величеством», на другой же день после таганрогского известия отправляет в Петербург Михаила Павловича с письмами к императрице и «любезнейшему брату», в котором заявляет: «Уступаю вам право мое на наследие императорского Всероссийского престола...» Россия между тем присягает императору Константину.

Приезд Михаила Павловича ничего не меняет. Николай Павлович не хочет принимать престола. У всех братьев, во всей императорской семье, полная растерянность... Никто не хочет принимать престола: ни Константин, ни Николай, хотя он и знает завещательную волю Александра.

Но нам неизвестно, что именно узнавал Константин со второй половины ноября из тех таганрогских известий, которые его так омрачили. Нам известно только, что еще осенью 1819 года в Варшаве Александр говорил цесаревичу, что «решил отречься», и добавил, что делает цесаревича, так сказать, поверенным своего решения:

– Когда придет время, я тебя извещу, дабы ты поступил согласно твоего решения.

Мы не знаем, о чем именно извещали цесаревича частные письма из Таганрога, не знаем, почему молчали хранители тайны, когда они уже не смели молчать, и почему, прежде всех других действий, не был открыт секретный манифест, что должно было сделать именно в случае кончины Алек-

сандра.

Не знаем мы и того, почему Николай Павлович свой отказ принять престол, грубо говоря, «сваливает» на «ничегонезнание». И какое же незнание, когда приехал Михаил Павлович с новым отречением Константина, когда Голицын объявляет о секретном манифесте? Почему же такая нерешительность у Николая Павловича, уже давно подготовленного к принятию престола, и почему никто не считается с манифестом, точно его не существует вовсе?

«Восшествие» передает такой разговор во дворце 3 декабря 1825 года по приезде в Петербург Михаила Павловича:

– Николай, – сказала императрица, – преклонись пред твоим братом Константином: он вполне достоин почтения и высок в неизменяемом решении передать тебе престол.

– Прежде чем я преклонюсь, как вы говорите, маменька, – ответил Николай Павлович, – позвольте мне узнать побудительную к тому причину, ибо это еще вопрос, которую из двух жертв в этом случае должно считать выше: со стороны ли отказывающегося или же со стороны принимающего.

«Побудительной причины» «Восшествие» так и не открывает, и остается неясным, о какой жертве говорит Николай в «самую трудную», по его словам, «эпоху империи».

Можно подумать, что 3 декабря 1825 года он уже знал об обширном заговоре, о плане военного переворота в империи. Нет, он не знал об этом ничего, а в столице и во всей империи, как указывает само «Восшествие», было «совершен-

но спокойно». О заговоре он узнал на девять дней позже, 12 декабря, когда ему было доставлено из Таганрога донесение Дибича.

Не заговор устрасал его, и не в этом он видел самую трудную эпоху империи, и не потому он считал себя жертвой. Как будто нечто другое было побудительной причиной его нерешительности – то, чего мы не знаем, тот «истинный ключ, который исчез вместе с деятелями».

Николай Павлович страшился одного: послушания закона.

По-видимому, несмотря на таганрогское известие, на повторное отречение Константина, на уговоры матери и брата, на секретный манифест, если он существовал, он все же полагал свое восшествие на престол почему-то незаконным. Так, может быть, он, как и хранители тайны, мог знать или думать, что кончины в Таганроге и не было, что государь жив, и потому Николай Павлович и не был в силах решиться, несмотря на всю свою подготовленность, принять престол от живого государя, объявленного для всей империи и всего света мертвым?

Все это, конечно, только предположения, но несомненно то, что Николай, так и не решив, отсылает Михаила Павловича снова в Варшаву с письмом к Константину, в котором хотя и заявляет, что «по необходимости покоряется его воле», но только «если она будет снова и положительно изъявлена».

5 декабря Михаил Павлович выехал в Варшаву, на проща-

ние хлопнув, как говорится, дверями и довольно резко обозвав эти отношения между цесаревичем и Николаем Павловичем, наперебой друг перед другом жертвовавшими престолом, эту семейную тайну, «домашними сделками».

До Варшавы Михаил Павлович почему-то не доехал и почему-то не исполнил поручения брата: 8 декабря он остановился на станции Ранна-Пунгерн, как бы умывая руки во всей этой «домашней сделке» и ожидая развертывания событий.

События не заставили себя ждать. Ход империи, мать, братья – все и вся принуждали Николая Павловича «подчиниться необходимости» и закрыть собою ту семейную тайну, которую не раскрывает и «Восшествие», о которой и теперь гадают потомки.

Николай Павлович был в нерешимости еще 12 декабря, когда получил от Дибича донесение о заговоре, пакет «о самонужнейшем», адресованный «его императорскому величеству в собственные руки».

Великий князь, рассказывает «Восшествие», «был в тяжелой нерешимости. Проникать в тайну, предназначавшуюся единственно для императора, – а таким еще был Константин Павлович – казалось ему поступком столь отважным, что одна лишь крайность могла к тому принудить».

Но «при первом беглом просмотре вскрытых бумаг его объял несказанный ужас...»

Здесь снова у автора «Восшествия» знаменательное многоточие, обрыв повествования, недосказанность. И можно подумать, что только под угрозой переворота, военного бунта принял решение Николай Павлович, объятый несказанным ужасом. Он решил взойти на Российский престол, брошенный всеми, только пред штыками восставших войск у монумента Петра 14 декабря, полагал ли он это законным или незаконным. Он подчинился необходимости. Отметим, что именно в день восстания, когда была назначена, наконец, присяга Николаю I, прискакал в столицу и умывавший до того руки Михаил Павлович.

Так, с картечей и конногвардейских атак на Сенатской площади и началось подлинное восшествие на Российский престол императора Николая Павловича.

А тайна таганрогской кончины все еще тайна и до наших дней.